

Предисловие научного редактора

Судьбоносные события второй половины XIX века в Японии - революционные потрясения, начавшиеся реформы, преобразования и обновления - повысили интерес русского общества к этой стране. Для этого этапа характерно формирование образа Японии – «ученицы», жадно впитывающей основы западной цивилизации, что выделяло ее из азиатского мира, говорило о способности к восприятию западной науки и культуры. Отсюда все чаще встречающееся противопоставление «идущей вперед Японии» и «застывшего Китая». Мотив пробуждения и обновления Японии стал в эти годы одним из наиболее распространенных стереотипов, прочно вошедших в обиход русской прессы и публицистики. А революция Мэйдзи, известная под названием «Мэйдзи исин» – «реставрация Мэйдзи» (по посмертному имени японского императора Муцухито, правившего с 1868 по 1911 г.), занимала центральное место в публикациях и в России, и в Европе.

В этом контексте особое внимание следует уделить работам известного русского публициста, революционера-эмигранта и ученого, специалиста в области географии и востоковедения Льва Ильича Мечникова (1838-1888). Этот незаурядный человек и полиглот опубликовал большое количество работ по истории и культуре Японии — страны, которой он восхищался и в которой видел зарождение нового «свободного» мира.

К несомненным достижениям российского востоковедения мы относим книгу Льва Ильича Мечникова «Мэйдзи. Эра просвещения Японии», в которой он засвидетельствовал «полный радикальный переворот» в стране, способной «стать во главе возрождения всего Востока».

Книга «Мэйдзи. Эра просвещения Японии» первоначально была опубликована в Женеве, после возвращения Мечникова из Японии в Европу. На страницах журнала «Дело» в октябре 1876 года появилась замечательная статья Мечникова «Мэйдзи. Эра просвещения Японии» (Мечников Л. И. Эра просвещения Японии (Мэй-дзи) // Дело. 1876. № 10. С. 133–170.). А в феврале 1877 года в «Деле» вышла вторая часть его статьи о Японии – «Мэйдзи. Эра японского просвещения . (Мечников Л. И. Эра японского просвещения (Мэй-дзи) // Дело. 1877. № 2. С. 242–275.).

В этой обширной статье, состоящей из двух частей, Мечников стремился дать общий обзор тех внутренних реформ, которые совершались в Японии в эпоху Мейдзи, описать экономическое положение страны, дающее ключ к пониманию всех прошлых и текущих событий. Мечников считал, что без подобного описания, факты не поддаются обобщению

В течение многих лет эта обширная и замечательная статья, к сожалению, оставалась практически недоступной для читателей и не была оценена должным образом специалистами. Одним из первых, кто начал серьезно изучать научное наследие Мечникова, был известный японский историк, преподаватель Токийского университета Ватанабэ Масаси. В 1982 году он перевел двух частей статьи Мечникова на японский язык. Переведенные две части статьи вышли в Японии отдельной книгой под названием «Мэйдзи исин глазами русского эмигранта».

Предлагаемая вашему вниманию книга Л.И. Мечникова «Мэйдзи. Эра просвещения Японии» в России впервые увидела свет в 1905 году и до сегодняшнего дня ни разу не переиздавалась. Сегодня издание 1905 года практически стало библиографической редкостью. Почему же мы решили переиздать эту книгу через 113 лет? Ведь с тех пор получено много нового материала. К тому же, эта книга уступает в популярности таким трудам Мечникова как «Японская империя» (1881), «Цивилизация и великие исторические реки» (1889).

Нами двигало убеждение, что книга «Мэйдзи. Эра просвещения Японии» представляет собой ценность уже самим описанием происходящих в Японии периода Мэйдзи событий и перемен, поскольку это делает ученый, специалист в области востоковедения, увидевший все своими глазами, переживший все своей душой и проанализировавший все своим умом. И самое главное: о революции в Японии пишет человек, владеющий японским языком и знающий что такое революция. Ведь Мечников сам непосредственно принимал участие во многих революционных движениях в Европе. Он также являлся свидетелем и современником революционных перемен в Японии. Поэтому в своей книге Мечников описывает происходящие в Японии события и перемен «изнутри»: он сам видит кардинальные трансформации японского государства, смотрит на происходящее глазами современников и показывает какие явления волновали их больше всего.

Книга «Мэйдзи. Эра просвещения Японии», наряду с воспоминаниями Л.И. Мечникова начала 70-х годов XIX века: «Воспоминания о двухлетней службе в Японии», во многом уникальна. Вряд ли не только в российском, но и мировом японоведении найдется труд, в котором бы столь ярко ученым-очевидцем описывалось традиционное японское общество в переходный период. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии» представляет большую ценность как источник, без которого трудно в полной мере понять историю Японии в поворотный и судьбоносный период открытия страны миру, модернизации и обновления, становления новых экономических, политических, социальных и культурных отношений. Автор книги описывает сложный и драматический процесс становления новой Японии. Его рассказ окрашен эмоционально, потому как Мечников не только перечисляет этапы превращения Японии из, по сути, феодальной средневековой державы в современное крупное государство, но и подчеркивает своё отношение к описываемым событиям.

Общая концепция книги, а именно, исследование исторического опыта взаимодействия государств, принадлежащих к различным цивилизациям и культурам, не потеряла своей актуальности и по сей день. Противостояние традиционной и модернизированной культур, болезненный процесс модернизации традиционных обществ, цена, заплаченная ими, за приобщение к западным «ценностям» и западной парадигме развития - все это находит проекции и резонанс в современной эпохе.

Мечников выявляет особенности модернизации и глобализации японской культуры, косвенно затрагивает и описывает японский метод удачного синтезирования достижений Запада с Востоком в целях прогресса и гармоничного развития общества. Впервые в европейском японоведении он выдвигает концепцию параллельного культурно-исторического развития Японии и Запада. Ученый тонко чувствует японскую культуру и очень точно улавливает ее «настроение» и нежелание проецироваться на западный мир (то есть быть доступной для понимания западного мира). Европейцы в подавляющем большинстве видели и могли видеть в Японии только то, что японцы сочли нужным им показать. Сами же японцы стремились увидеть и познать западную цивилизацию изнутри. В первые же годы после «Мэйдзи исин» тысячи, десятки тысяч японцев хлынули в Европу и США обучаться всем европейским наукам.

Научные наблюдения Мечникова особенно ценны для изучения проблемы этно-национальной культурной идентичности японцев и в современных условиях.

Начало собственно научной деятельности Льва Мечникова можно датировать 1872-м годом, точнее 4-м ноября этого года, с момента избрания его действительным членом Парижского Этнографического Общества. В 1873 году он стал неассоциированным членом Парижского общества изучения японского языка (китайского, татарского, индокитайского). Председателем Этнографического Общества был профессор японского языка в Школе восточных языков Леон де Росни, он же являлся и председателем Общества изучения японского языка, спонсором и учредителем которого был японский посол Самесима Наунобу (*Гулин А. С. Л.И Мечников - Исследователь Японии. / Гуманитарный вектор. 2011. № 2. С. 15).*

Одной из целей Общества изучения японского языка была и система подготовки и привлечения специалистов для нужд реформирующейся Японии. Именно среди этих связей с членами данных обществ и следует искать те факты, которые способствовали приглашению Мечникова в Японию в качестве преподавателя русского языка.

В июне 1874 года (седьмой год периода Мэйдзи) Мечникову предложили возглавить русское отделение Токийской школы иностранных языков, где ему предложили создать кафедру социогеографии. Именно эта кафедра стала основой японской академической социологии. Одновременно имя Мечникова стало известно и в европейских академических кругах. Мечников пробыл в Японии с 1874 по 1876 год.

За время своей двухлетней службы в Японии Мечников не только развил и укрепил свои знания японского языка, но и познакомился воочию с этой своеобразной страной и с реформами, которые происходили в стране, с революцией Мэйдзи (просвещенное правление). Им были собраны материалы по географии, этнографии и истории страны, знание языка было его лучшей рекомендацией.

Мечников застал Страну Восходящего Солнца на чрезвычайно интересном, переломном этапе ее развития: на этапе реформ, когда князья-реформаторы провозгласили реставрацию власти императорского дома и «эру просвещения Мейдзи». Поначалу он не понимал суть происходящего. Более того, в его представлениях о самой этой революции обнаруживалось какое-то вопиющее

фундаментальное противоречие. Противоречие между причиной «вспыхивания» революции Мэйдзи и последствиями этой революции.

В Японии почти всю её историю существовала система управления, не имевшая аналогов в мире — сёгунат. Он установился в 1192 году после победы клана Минамото в феодальной войне Гэмпэй. При особе императора, который царствовал, но не правил, находился военачальник сёгун (полный титул звучал как *сэйи-тайсёгун*, «великий полководец, победитель варваров»). Сёгун осуществлял всю исполнительную власть, а также был главнокомандующим. При нём было и правительство, «бакуфу», что переводится на русский как «ставка». Термины «бакуфу» и «сёгунат» в принципе равнозначны.

Проникновение западных стран в Азию серьезно беспокоило правящие круги Японии, которые все более убеждались в необходимости продолжать держать территорию страны закрытой для иностранцев. «Япония долгое время страшилась внешнего мира, она ожидала от него только неприятностей и подвохов. В XVI–XVII веках европейцы, основную часть которых составляли католические миссионеры (в основном из ордена иезуитов), завезли в Японию огнестрельное оружие. В сознании японцев христианство и пушки стали синонимами» (Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. С. 6).

Сёгунат принял меры к усилению изоляции Японии от внешнего мира. Сёгуны из династии Токугава, пришедшие к власти в начале XVII столетия, проводили осознанную политику консервации японского общества, отказа от технологических и культурных нововведений. Они закрыли страну. И въезд в нее, и выезд были строжайше запрещены. Япония была изолирована от внешнего мира. В течение нескольких столетий страна практически не менялась.

Но в XIX веке настали совсем другие времена. В Европа и Америка искали рынки для своих товаров. Поэтому они требовали от Японии «свободы торговли». Одержимость западных людей торговлей и деньгами лишней раз служила неопровержимым подтверждением, что японцы имеют дело с настоящими «варварами». В этой связи Мечников подчеркивает, что в то время на социальной лестнице Японии торговцы занимали последнее место. Желание торговать истолковывалось в том смысле, что там, на Западе, испытывают недостаток в тех вещах, которые имеются в Японии в избытке. Наряду с этим Мечников улавливает еще один очень важный нюанс в нежелании японцев «открыть» страну для западных стран и торговать с ними: страх превратиться в жалкую полуколонию:

«Гораздо прежде, чем иностранным державам удалось заключить с Японией торговые договоры, в Японии уже существовал страх, что европейцы – особенно англичане – явятся завоёвывать Японию, как они уже завоевали Индию» (Мечников Л.И. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии». М., с. 5).

В 1858 году сёгунат, сознавая отсутствие у отсталой в военном отношении Японии возможности противостоять «западным варварам», подписал сначала торговый договор с США, а потом аналогичные договоры и с Россией, Англией, Францией и Голландией. «По показаниям таких авторитетных свидетелей, как Линдау, Гюбнер, Бускэ и пр., оказывалось, будто вся революция вспыхнула из-за того, что наследственный диктатор, или сегун, заключил торговые договоры с иностранцами и тем нарушил одно из основных законоположений мудрого Гонгэнсамы (Гонгенсама - почетный императорский титул основателя династии Токугава Иэясу (1542-1616)) (Зайцев Д.М. Японский историк Ватанабэ Масаси о русском путешественнике и ученом Л.И. Мечникове / Известия Восточного Института. Издательство: Дальневосточный федеральный университет (Владивосток) , № 7, с. 86).

Режим сёгуната был сурово осуждался за его недееспособность. «Было упразднено было самое учреждение наследственных диктатур, существовавшее в Японии с VI столетия» — писал Л.И. Мечников.. (Мечников Л.И. Воспоминания о двухлетней службе в Японии//Известия Восточного Института. Дальневосточный федеральный университет (Владивосток). 2001, с. 187 (ISSN: [1813-8101](#)).

Для русского революционера оставалось совершенно необъяснимым то, что противники «открытия страны внешнему миру» после того как они свергли сёгунат именно из-за его попыток приоткрыть дверь в Японию для иностранцев, вдруг резко отказались от политики самоизоляции страны и стали сторонниками «открытия страны внешнему миру», использования опыта, науки и техники западных стран для превращения Японии в мощное государство. Более того, вчерашние реакционеры затеяли «нечто такое, о чем их предшественники не смели или не хотели даже и мечтать», они замыслили «обратить в европейскую страну самую Японию» ((Мечников Л.И. Воспоминания о двухлетней службе в Японии//Известия Восточного Института. Дальневосточный федеральный университет (Владивосток). 2001, с. 187 (ISSN: [1813-8101](#)).

Европейские журналы объясняли это фундаментальное причинно-следственное противоречие японской революции прежде всего иностранным

вмешательством. Современное Мечникову европейское и американское японоведение трактовало революцию и преобразования эпохи Мэйдзи как результат прихода иностранцев и принудительного «открытия» страны. Историки до Мечникова приписывали либеральные преобразования империи Восходящего Солнца воле ее нового молодого императора Муцухито, в котором они видели своего рода Петра Великого ((Мечников Л.И. Воспоминания о двухлетней службе в Японии//Известия Восточного Института. Дальневосточный федеральный университет (Владивосток). 2001, с. 187-188 (ISSN: [1813-8101](#))).

Мечников считал подобные рассуждения о принудительном «открытии» Японии неправильными. «Мы вообще были слишком склонны преувеличивать значение американского и европейского вмешательства в японские дела», — считал он (Ватанабэ Масаси. Мечников — русский, посетивший Японию: 200 лет российско-японских отношений — история взаимоотношений с соседней Россией. Токио, 1993. С. 71).

Ученый рассматривал происходящие перемены в Японии в контексте всемирно-исторического процесса. И в этой связи он воспринимал революцию Мэйдзи как важнейшее событие, тесно связанное с местными японскими реалиями». Говоря о сугубо внутренних причинах, вызвавших революцию Мэйдзи, Л. Мечников обращал внимание на то, что японское общество периода Токугава, которое долгое время развивалось в атмосфере изоляции, было полностью готово к переменам.

В этой связи автор отмечает, что «мысль о необходимости покончить радикальным образом с феодальной анархией» возникает среди аристократией императорского двора и среди образованных самураев всех княжеств. Еще в середине XVII веке образованные самураи, политически и экономически притесняемых деятельностью дома Токугава, объединились с целью доказать «историческими» аргументами неправомерность существования сёгунского режима. Один из образованных представителей феодального дома Мито — Мицукуни, создавший «историческую школу Мито», вместе со своими учениками и коллегами завершил составление "Дайнихонси" — огромного собрания древних мифов, легендарных и полулегендарных сведений, исторических хроник. В этом многотомном сочинении Мито доказывает необходимость уничтожения сёгунства и восстановления императорской власти в той её чистоте, которую она уже в начале XII столетия успела утратить. И для того, чтобы подтвердить верность тенденции Мито, Мечников проводит аналогию с «историей европейских государств, где

действительно сильная королевская или императорская власть являлась в конце средних веков освободительницей народов от ига феодалов» (Мечников Л.И. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии». М., с. 9).

Традиционное японское общество эпохи Токугава отличалось высочайшей степенью стабильности и было жестко стратифицировано. Основными сословиями (в порядке их значимости) объявлялись самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы. Эти сословия пребывали в существенной изоляции, но они не могли и обойтись друг без друга и вступали в деловые контакты.

Но когда Япония поняла, что «её традиционные тиски уже слишком стесняют её жизненные отправления, что отсталость её должна привести её к тяжёлому болезненному кризису, она энергически сбросила их и пошла новым реформационным путем» (Мечников Л.И. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии». М., с. 1).

Тщательно проанализировав причины «открытия» Японии, ее обновления и реформирования, Мечников пришел к выводу: «Одно было совершенно ясно для меня, а именно, что мы вообще были слишком склонны преувеличивать значение американского и европейского вмешательства в японские дела. В действительности же здешнее преобразовательное движение шестидесятых годов, до сих пор не установившееся и не успевшее еще улечься в окончательные формы, было, главнейшим образом, продуктом чисто местным...» ((Мечников Л.И. Воспоминания о двухлетней службе в Японии//Известия Восточного Института. Дальневосточный федеральный университет (Владивосток). 2001, с. 188 (ISSN: [1813-8101](#))).

Более того, Мечников считал, что глубинные причины реставрации Мэйдзи следует искать в древней истории Японии со времен периода Нара (710-794). Поэтому он серьезно изучал древнюю историю этой страны. Именно в древности ученый находил основы духовной самобытности японцев, которые во все времена уважительно относились к образованию (Зайцев Д.М. Японский историк Ватанабэ Масаси о русском путешественнике и ученом Л.И. Мечникове / Известия Восточного Института. Издательство: Дальневосточный федеральный университет (Владивосток) , № 7, с. 86).

Отсталость по отношению к мощным «цивилизованным» странам и решимость ее преодолеть стали главными причинами, по которым Япония решилась на модернизацию. Из всех стран Азии Япония первая сознательно

приступила к последовательной модернизации. (Мещеряков А.Н. Открытие Японии и реформа японского тела (вторая половина XIX – начала XX века // НЛО, 2009).

«Должна ли Япония одна оставаться вечно позади, когда кругом все движется и преуспевает? Развитие есть закон природы; повинувшись ему, мы должны отбросить вековые привычки отчуждения и ознакомиться с остальным миром. Наше сближение с ним должно быть тесное и дружеское. Перестанем быть пустынноиками, погружёнными в созерцания красот природы». (Мечников Л.И. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии». М., с.21).

Разобраться в сути революции Мэйдзи, Л.И. Мечникову во многом помогли представители японской интеллигенции, которые критически относились ко всему происходящему в стране и к самой политике правительства Мэйдзи. Они предоставляли ученому богатую и разностороннюю информацию о совершавшемся в стране обновлении.

Концепция исконно японского характера революции Мэйдзи получила развитие в трудах российского академика и выдающегося японоведа, Н. И. Конрада. Конрад следующими словами охарактеризовал «готовность» Японии к преобразованиям: «Буржуазная революция в Японии не была случайностью, ни историческим парадоксом. Страна подошла к ней вполне подготовленной: она имела развитую экономику, национальный рынок в отношении многих видов товаров, хорошие пути сообщения, развитую банковскую систему; в ней была многочисленная высокообразованная и весьма активная интеллигенция; в ней действовали различные течения общественной мысли, образовавшие идеологическую почву для революционных преобразований» (Конрад Н.И. Избранные труды. История. М.: Наука, 1974. С. 195.) А иностранное вмешательство и опасность колониального порабощения страны лишь ускорила ход трансформации и обновления японского общества.

Япония вступила в эпоху решительных реформ. Их освящала фигура императора Мэйдзи (на троне – 1867—1912). Наконец японский император взял власть в свои руки и правил сам, предпринимал реальные шаги пути на пути создания сильного, модернизированного и независимого государства.

На протяжении почти 700 лет японской истории император являлся обожествляемой, но фактически номинальной фигурой. Реальным правителем страны являлся сёгун. «До 1868 года императорская власть не выходила из того ничтожества, в которое её поверг первый её протектор. Власть сёгунов переходит

из рук в руки разных династий и в каждой из них только мельчает и изнашивается, как залежавшееся платье...» (Мечников Л.И. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии». М., с.23).

В 1868 году династия Токугава была свергнута, а власть императора восстановлена. Мечников отметил уникальный характер японской революции, в ходе которой монарх не утратил власть, а, наоборот, вновь обрёл её. Это и стало началом реформ в Японии. За этим последовал, по словам Л.И.Мечникова, «полный и радикальный переворот, какой только мы знаем в истории... ни одна отрасль социального и политического быта не осталась нетронутой в этой реформационной ломке» (Мечников Л.И. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии». М., с. 1) - начиная с преобразования всего правительственного механизма и оканчивая организацией самого широкого народного образования. Способные выходцы из нетитулованных слоев получили доступ в правящую элиту; были изысканы средства для радикальной земельной реформы, создания множества технических заведений и обучения молодых японцев в университетах Европы. «Поставив народное образование высшей задачей своей преобразовательной деятельности», японская элита стремилась подготовить кадров для «европеизации» собственного народа. "Всюду била ключом новая и сильная жизнь", и даже быстро обогащавшиеся "предприимчивые выходцы из стран цивилизованного мира" приносили пользу, создавая новые производства и нанося удар по геральдическому паразитизму (Мечников Л.И. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии». М., с. 14).

Мечников отметил резкое изменение ситуации в стране во время правления Мэйдзи. Основным лозунгом эпохи был «приобщение к цивилизации» (имелась в виду западная цивилизация). Япония стала взаимодействовать с миром. Япония стала узнавать мир, мир стал узнавать Японию. Император Японии Муцухито сделал много важных нововведений, например, открыл Японию для внешней торговли, он повел Японию по пути модернизации. Следует заметить, что под именем Муцухито император был известен лишь за рубежом. Мечников уделяет особое внимание японским традициям, японскому этикету и сложившемуся в этом контексте отношению к собственному имени государя-императора. Согласно японской традиции, после смерти монарху присвоили посмертное имя, совпадающее с этим девизом правления: Мэйдзи. Именно под этим именем он и остался в истории. Однако следует иметь в виду, что сами современники редко

называли императора по имени. В своей книге «Мэйдзи. Эра просвещения Японии» Мечников отмечает: «Японский этикет не допускает употребления в печати или даже в разговоре собственного имени государя: оно заменяется эпитетами «Тен-си» (сын неба) или «Ко-тей» (державный царь). Впрочем, должно заметить, что собственные имена, точно также, как и родственные связи, в Японии вовсе не имеют того характера неподвижности, как у нас: императоры и простейшие из смертных меняют собственные свои имена при каждом мало-мальски знаменательном событии своей жизни, как, например, при вступлении в каждый новый возраст, при получении чина и т.п. начиная с XII столетия, императоры Японии только тем и заявляли о своем существовании, что давали особые названия периодам японской истории...» (Мечников Л.И. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии». М., с.16-17)

Эпоха Муцухито получила название «Мэйдзи». «В соответствии с традицией, которая делает особый акцент на идее преемственности, в имени Мэйдзи значился иероглиф, взятый из имени его отца Комэй (букв. «сыновний долг и свет»; годы жизни: 1831–1866, годы правления: 1847–1866). Это иероглиф «мэй» – «светлый», «просвещенный». Таким образом, имя Мэйдзи означает «светлое правление» (Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. С. 5).

Мечников оценивал реформы в Японии не только по первому впечатлению, но тщательно анализировал их суть. Важную роль в формировании восприятия и оценки революции Мэйдзи сыграло его пребывание в Японии и наблюдение реалий японской жизни. Поездка Мечникова в Японию с самого начала была вызвана не столько желанием преподавать в Японии, сколько стремлением понять историю и культуру страны, найти подтверждение правильности своего видения исторических закономерностей. (Ватанабэ). «Основываясь на своих личных наблюдениях, собранных мной в продолжение двухлетнего пребывания в Японии и знакомства с ее литературой, я попытаюсь здесь в немногих словах очертить картину социального быта Японии непосредственно перед ее открытием для иностранцев» ((Мечников Л.И. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии». М., с.8).

Наблюдательный Лев Ильич с интересом изучал своих учеников, много путешествовал по стране, общался с простыми людьми. Особое удивление у ученого вызывали поголовная грамотность и необычайно трепетное отношение всех слоёв населения к просвещению. Мечников увидел «задушевное отношение к культурности», и в этом была заслуга монахов-буддистов. Благодаря их слоговым

азбукам почти каждый японец владел навыками чтения и письма - несмотря на головоломную сложность иероглифов (Мечников Л.И. Воспоминания о двухлетней службе в Японии // Русские ведомости, 1884, № 204).

Мечников был противником европоцентристской схемы истории и осуждал противопоставление «варварского Востока» и «цивилизованного Запада». Ученый не разделял сложившееся в середине XIX века на Западе представление о Японии как о несостоятельной во всех отношениях окраине «цивилизованного» мира. Он не принимал «образ Японии», сложившийся за ее пределами, причем безотносительно к «настоящей» Японии. Мечников выдвинул концепцию параллельного культурно-исторического развития Японии и Запада. Впервые в европейском японоведении Мечников сделал вывод, что «интеллектуальная эволюция Страны восходящего солнца совершалась параллельно умственному движению западного мира». (Зайцев Д.М. Японский историк Ватанабэ Масаси о русском путешественнике и ученом Л.И. Мечникове / Известия Восточного Института. Издательство: Дальневосточный федеральный университет (Владивосток) , № 7, с. 85). Японский историк Ватанабэ Масаси особо ценил и выделял «русский» взгляд Мечникова на происходящие в Японии реформы.

Ученый говорил, что для правильного понимания японской культуры необходимо перестать смотреть на Японию через призму Китая. Мечников считал вероятным для Японии стать во главе возрождения остального Востока (с. 2), подчеркивая, что "цивилизованные нации не могут и не должны пренебрегать ее настоящим и будущим значением". Дальновидность этого вывода контрастирует с мнениями тогдашних русских панславистов, считавших, что японцы наряду с китайцами, турками, иранцами обречены на 200-300 лет быть лишь послушными учениками Запада, и «мир собственно азиатский лишен почти всех видов на самостоятельное, независимое будущее».

Средневековая Япония в поисках образцов для подражания чаще всего обращалась в сторону древнего Китая. Новая Япония видела преемственность со своим собственным прошлым. Но с прошлым не «ближним», когда в политической жизни доминировали сёгуны, а с прошлым «дальним», под которым понимался миф и древняя история. (Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. С. 148). Сам император Мэйдзи выступал в двух ипостасях: реформатора и приверженца древних устоев. Под последними в это время понимался прежде всего синто. Его древние божества были призваны

освящать новый курс нового правительства.(Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. С. 148).

Мечников отмечал определенную схожесть в пореформенном развитии Японии и России. По его мнению, в 60-е годы XIX века в представлении японцев Россия была страной, более близкой им по нравам, чем западноевропейские государства или Соединенные Штаты: «Нигде в Европе эта централизующая государственная власть не стоит на такой высоте, которой она достигла в России, а потому и немудрено, что японское правительство, имевшее в виду изменить не только политические рамки, но и самую социальную сущность японского быта, обращало свои взоры на нас, своих западных соседей». (Мечников Л.И. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии». М., с. 8).

Японская интеллигенция увлекалась русской культурой и называла Россию своим учителем. Японское правительство в годы обновления и преобразования всячески стимулировало изучению русского языка. И эту тенденцию Мечников отразил на страницах своей книги, отметив, что японское правительство не только содержало в Петербурге многочисленное посольство и посылало туда своих студентов, но и организовало в Японии три школы русского языка: в столице Токио (в которой собственно и преподавал сам Мечников), Хаккодате и Нагасаки. В столице также существовала еще самостоятельная школа русских миссионеров» (Мечников Л.И. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии». М., с.3).

Работая в Токийской школе иностранных языков, Л. И. Мечников видел, что студенты кафедры русского языка жаждали общественных перемен. Мечников отметил вдохновляющий пример царя "Петера Берики" - Петра Великого - для японских лидеров-реформаторов и вообще большой интерес к России. В этой связи особенно показателен тот факт, что биография Петра Великого «была одной из первых европейских книг, переведённых на японский язык». (Мечников Л.И. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии». М., с. 4). Именно биография Петра I Великого вдохновила реформаторов на свое великое посольство – *миссию Ивакуры* (1871–1873 гг.), по имени министра иностранных дел кугэ Ивакура Томоми, проехавшего со своими соратниками от Сан-Франциско до Санкт-Петербурга, посетившего Всемирную выставку в Вене и пригласившего в Швейцарии Льва Мечникова приехать в Токио для организации Школы иностранных языков.

Тяга японцев к русскому языку («языком юридического и дипломатического развития Японии предполагалось сделать русский») объяснялась глубоким почитанием в деловой японской среде великого русского реформатора Петра I. Методы его правления считались выдающимися и недостижимыми для подражания: «Психологически весьма понятно, что именно деятельность преобразователя России должна была сильнее, чем деятельность всякого другого государственного деятеля Европы, поразить японский ум, благодаря той аналогии, которую стремящаяся к преобразованию Япония представляла с Россией петровского времени. Многие другие соображения заставляли японцев искать себе образцов не в Англии или Америке, столь далеко опередивших своих сверстников, а именно в России, вставшей еще не так давно на преобразовательный путь...» (Мечников Л.И. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии». М., с. 4).

И если для западных стран Япония представляла прежде всего коммерческий интерес, то для жителей восточных окраин России, Япония представляла чрезвычайно благоприятный шанс прикоснуться к европейскому просвещению: «Япония, ближайшая соседка наших владений на Тихом океане, имеет для России такое значение, которого она, конечно, не может иметь для других европейских народов. Для англичан или французов, даже для американцев – восточных своих соседей – она служит только торговым рынком для обмена их продуктов на местные и на звонкую монету или станцией в их сношениях с Китаем. Для нашего Уссурийского края, для Камчатки или даже для Восточной Сибири Япония становится центром или рассадником европейского просвещения, несмотря на то, что она сама только тридцать лет тому назад, деятельно и окончательно примкнула к цивилизованной жизни.» ((Мечников Л.И. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии». М., с. 2).

Мотивов же для дружеских отношений между двумя соседними государствами, по мнению Мечникова, существовало множество. Интересно, что еще за тридцать лет до начала русско-японской войны, в 1876 году, Л.И. Мечников обращал внимание отечественного читателя на следующий факт: «Россия и Япония не только непосредственные соседи, но еще они обе имеют общих соседей – Китай и Корею, отношения с которыми рано или поздно должны выясниться и определиться. Отсюда естественно вытекает известная общность политических интересов, очень хорошо сознаваемая Японией, которая, с своей стороны, деятельно стремится

ознакомиться как можно теснее с Россией. С ее государственным строем, историей, нравами и языком....» (Мечников Л.И. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии. М., с.3).

Но в самой Японии почва для усвоения начал западной цивилизации оказалась гораздо более плодотворной нежели в России (Гловели Г. Цивилизационный опыт России: необходимость уточнения // Вопросы экономики. 1993. # 8, с.114-118). Приглашая военных из Франции, моряков из Англии, врачей из Германии, педагогов из США, японские преобразователи не отказывались от требований самобытности. Массовая модернизация в Японии, преобразование всего социального и государственного быта по европейскому образцу проводились с учетом национальных особенностей.

В результате анализа японских реформ Мечников пришел к выводу, что Япония будет быстро прогрессировать главным образом благодаря сочетанию собственной культурной самобытности с современной европейской технологией и растущим участием в «международной кооперации»: «Первой заботой правителей Японии естественно должно было быть избрание какого бы то ни было внутреннего содержания для восстановленных ими политических форм. Это то содержание они решились взять из европейской цивилизации, будучи вполне готовы переделывать и изменять самые формы, если они окажутся непригодными для нового содержимого» (Мечников Л.И. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии». М., с. 24).

Мечников точно уловил японскую тенденцию перемен: западные нововведения не должны были уничтожить национальные традиции, ценности и культуру. Поэтому период слепого подражательства продлился недолго. Японцы не стали копировать механически идеи Запада, а приступили к их совершенствованию, приспособлению к местным реалиям и использованию по своему усмотрению. Японцы стремились использовать все полезное как в европейской, так и в японской культуре с тем, чтобы обеспечить независимость и процветание страны. «Не сангвиническое увлечение новизной, а сознательное стремление к новой, светлой и привольной жизни вдохновляет преобразователей этой страны, которые не падают ниц перед внезапно открывшейся перед ними западной цивилизацией, не отказываются в виде её от всяких самобытных и национальных требований, а сознательно хотят усвоить несомненные преимущества этой цивилизации, сделать их своим национальным достоянием» ((Мечников Л.И. «Мэйдзи. Эра просвещения Японии». М., с. 21).

«Западные нововведения», «западная техника» разумеется, включала в себя не только использование пара и электричества, но и европейские идеи (гражданские права, свобода, разделение властей), европейские институты (парламент, политические партии) и европейские обычаи (вплоть до употребления в пищу мяса животных, что категорически запрещалось буддизмом). Но вся эта «западная техника» одухотворялась «японским духом» и воспринималась не сама по себе, а лишь по мере необходимости или пригодности для новой Японии.

Долговременная «закрытость» Японии в эпоху Токугава способствовала «консервации» японской традиционной культуры и возникновению феномена японской национальной психологии. И когда в середине XIX века Япония открылась западному миру и стремительно вошла в него, законсервировавшаяся японская традиционная культура смогла успешно противостоять воздействию иноземной (западной) культуры, сравнительно безболезненно усваивала при этом ее наиболее рациональные элементы. Благодаря синтезу японского духа и западных знаний Япония не стала очередным сырьевым придатком европейских стран и Америки, а сохранила свою этно-национальную идентичность.

Даже когда революция Мэйдзи привела к модернизации страны и кардинальным изменениям в области экономики, политики, культуры, за которыми последовали существенные изменения в системе социальных отношений, национальная психология японцев изменилась очень мало. По-прежнему в характере японцев доминировали черты, сложившиеся в эпоху изоляции Японии, в условиях жестко стратифицированного и закрытого общества: трудолюбие, организованность, готовность к безоговорочному подчинению, настойчивость, выдержка.,

«Просвещенное правление» Мейдзи перенесло одним могучим мучительным шагом страну из феодального прошлого в передовое и индустриальное настоящее, сохранив при этом национальную уникальность и невероятное обаяние японской культуры.

Главева Диана Георгиевна — кандидат философских наук.